

УДК 1(091)(430)
ББК 87.3(4Гем)
Ш79

Arthur Schopenhauer
DIE KUNST, RECHT ZU HABEN

Перевод с немецкого *Д. Андре Н., Федора Черниговца*

Оформление серии *Н. Ярусовой*

Шопенгауэр, Артур.

Ш79 Искусство побеждать в спорах / Артур Шопенгауэр ; [перевод с немецкого Д. Андре Н., Ф. Черниговца]. — Москва : Эксмо, 2025. — 192 с. — (Всемирная литература (с картинкой)).

ISBN 978-5-04-210814-3

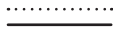
Артур Шопенгауэр — немецкий философ-иррационалист. Учение Шопенгауэра, основные положения которого изложены в труде «Мир как воля и представление» и других работах, часто называют «пессимистической философией».

«Искусство побеждать в спорах» — это руководство по ведению диспутов, написанное в XIX веке и не утратившее своей актуальности в веке XXI. В этом произведении Шопенгауэр ставит целью победу в споре и дает конкретные рекомендации для ее последовательного достижения. По мнению автора, для того чтобы одержать победу в споре, необязательно быть фактически правым — нужно лишь использовать правильные приемы. Он приводит более 30 так называемых уловок.

УДК 1(091)(430)
ББК 87.3(4Гем)

ISBN 978-5-04-210814-3

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Искусство побеждать в спорах

ЭРИСТИКА

Слова «логика» и «диалектика» уже в древности употреблялись и считались синонимами, хотя глаголы «λογιζεσθαι» — обсуждать, думать, соображать и «διαλεγεσθαι» — беседовать — два совершенно различных понятия.

Подобное употребление этих выражений существовало в Средние века и даже встречается иногда и по сию пору. В новейшие времена слово «диалектика» употреблялось некоторыми учеными, в особенности Кантом, в отрицательном смысле, которые называли ее «софистическим способом вести прения» и по этой причине выше ставили слово «логика», как более невинное выражение данного понятия. Собственно же говоря, эти оба слова имеют совершенно одинаковое значение, поэтому за последние годы на них опять стали смотреть зачастую как на синонимические выражения.

Такое положение вещей меня несколько стесняет и не дает возможности так, как хотелось бы, оттенить и отделить эти две науки: логику и диалектику. По моему мнению, логике можно дать такое определение: «наука о законах мышления, или способы деятельности разума» (от глагола «обдумывать, обсуждать», происходящего, в свою очередь, от слов «разум» или «слово»); диалектика же, употребляя это выражение в современном значении, есть «искусство вести прения и споры или разговоры». Всякий разговор основан на приведении фактов или взглядов, то есть один раз бывает историческим,

другой раз что-либо разбирает или рассматривает. Отсюда очевидно, что предмет логики дан целиком *a priori*, без всякой примеси чего-либо исторического, или что в область этой науки входят общие законы мышления, которым подчиняется всякий ум в тот момент, когда он предоставлен самому себе, когда ничто ему не мешает, следовательно, в период уединенного мышления разумного существа, которого ничто не вводит в заблуждение. Наоборот, диалектика рассматривает одновременную деятельность двух разумных существ, которые думают в одно и то же время, откуда, конечно, возникает спор, то есть духовная борьба. Оба существа обладают чистым разумом, и потому они должны бы были согласиться друг с другом; на самом деле такого согласия нет, и это несогласие зависит от различных индивидуальностей, присущих субъектам, и потому должно считаться элементом эмпирическим. Таким образом, логику, как науку мышления, то есть деятельности чистого разума, можно было бы построить совершенно *a priori*; диалектику же по большей части только *a posteriori*, после практического уразумения тех перемен, которым подвергается чистая мысль как результат индивидуальных различий при одновременном мышлении двух разумных существ, а также после ознакомления со средствами, которые употребляет каждый из них для того, чтобы выставить свои индивидуальные мысли чистыми и объективными. А это происходит по той причине, что всякому человеку свойственно при совместном мышлении, то есть стоит ему только узнать, при взаимном обмене взглядов (кроме исторических разговоров), что чьи-либо мысли относительно данного предмета отличаются от его собственных, то он, вместо того чтобы прежде всего проверить свою мысль, всегда предпочитает допустить ошибку в чужой мысли. Другими словами, всякий человек уже от природы желает всегда быть правым; тому именно, что возникает из этой особенности людей, учит нас одна отрасль нау-

ки, которую я хотел бы назвать «диалектикой» или, для устранения возможного недоразумения, «эристической диалектикой».

Таким образом, это наука о стремлении человека показать, что он всегда бывает прав. «Эристика» — только более резкое название данного предмета.

«Эристическая диалектика», следовательно, есть искусство вести споры, но таким образом, чтобы всегда оставаться правым, то есть *per fas et nefas*. В конце концов, объективно можно быть правым и не казаться таковым другим, а даже очень часто и самому себе; это бывает в том случае, когда противник опровергает наши доводы и когда это сходит за опровержение всего спорного тезиса, в доказательство которого может существовать много других, не приведенных нами в данную минуту доводов. В таких случаях противник окружает себя ложным светом, кажется человеком, имеющим резон, а на самом деле кругом неправ. Итак, истина спорного вопроса, взятая объективно, и сила правоты или резона в глазах спорящих и слушателей — вещи совершенно различные; эристическая же диалектика всецело основана на последней.

Если бы в природе людей не существовало зла, если бы мы были совершенно честны при каждом обмене мыслей, тогда, безусловно, мы единственно старались бы добиться правды и не обращали внимания, чей взгляд справедлив: высказанный ли первоначально нами самими или же нашим противником. К этому последнему взгляду мы отнеслись бы совершенно равнодушно, или, по крайней мере, не придавали бы ему такого важного значения. Теперь же, наоборот, это составляет вещь первостепенной важности. Наш мозг весьма раздражителен во всем, что касается интеллектуальных сил, и никак не хочет согласиться, чтобы было ошибочно то, что мы сказали первоначально, а то, что сказал противник, — справедливо. Имея в виду

это обстоятельство, следовало бы каждому человеку высказывать только правильные мнения, а потому сперва думать, а потом говорить. Но кроме врожденного мышления большинству людей еще свойственны болтливость и врожденная недобросовестность. Говорим о чем-нибудь, совершенно не подумавши, и потом даже, если мы вскоре заметим, что наше мнение ложно и лишено основания, все-таки стремимся доказать во что бы то ни стало совершенно противоположное. Любовь к правде, которая в большинстве случаев была единственным побуждением постановки тезиса, кажущимся правдивым, совершенно уступает место любви к собственному мнению; так что правда, таким образом, кажется ложью, а ложь правдой.

Однако и эта недобросовестность, эта настойчивая защита тезиса, фальшь, которую мы сами сознаем отлично, имеет достаточное основание. Очень часто при начале разговора мы бываем глубоко убеждены в справедливости нашего суждения, но потом аргумент противника настолько силен, что опровергает и разбивает нас; если мы сразу откажемся от своего убеждения, то весьма возможно, что впоследствии убедимся, что мы были правы, но что наше доказательство было ошибочным. Для защиты нашего тезиса, может быть, и были веские доводы и доказательства, но как раз на наше несчастье такой избавитель-аргумент не пришел нам в голову. Таким образом, мы создаем себе правило ведения споров с аргументами основательными и доказывающими предмет и в то же время допускаем, что резонность противника только кажущаяся и что во время спора можем случайно попасть на такой довод, который или разобьет окончательно аргумент противника, или каким-либо иным образом обнаружит несправедливость мнения противника.

Благодаря этому если мы и не принуждены непременно быть в споре недобросовестными, то, по край-

ней мере, легко очень можем случайно сделаться ими. Так взаимно поддерживают друг друга немощь нашего суждения и превратность нашей воли. Отсюда происходит, что ведущий диспут борется не за правду, но за свой тезис, как *pro aga et focus* — за самое дорогое, ведет дело *per fas et nefas* — всеми правдами и неправдами и, как я раньше заметил, нелегко может освободиться от этого. Всякий стремится одержать верх даже в том случае, когда отлично сознает, что его мнение ложно и ошибочно или сомнительно.

Макиавелли советует князю пользоваться каждой минутой слабости своего соседа, чтобы напасть на него, потому что в противном случае этот же сосед может воспользоваться его минутной слабостью. Совсем иное дело, если бы господствовала правда и искренность; но нет возможности ни рассчитывать на них, ни руководствоваться этими принципами, потому что за такие хорошие качества награда бывает весьма плохая. Таким же образом следует поступать в споре. Весьма сомнительно, оплатит ли тебе противник тем же, если ты в споре отдашь ему справедливость, когда эта справедливость только кажущаяся; почти наверно можно сказать, что он не будет великодушничать, а поведет дело *per nefas* — не считаясь с правилами; а отсюда вывод, что и ты должен поступать так же. Легко соглашусь с тем, что всегда надо стремиться к правде и что не надо быть пристрастным к собственным взглядам; но откуда знать, будет ли другой человек придерживаться того же мнения, что и мы.

Помощниками в проведении тезиса могут служить в известной степени собственная ловкость и пронырливость. Этому искусству поучает человека ежедневный опыт, так что каждый имеет собственную, природную диалектику, как и собственную логику, с тою только разницею, что первая не такая верная, как последняя. Люди редко думают и выводят заключения,

противные законам логики, ложные суждения весьма часты, но ложные заключения очень редки. Вот почему редко можно найти человека с недостатком собственной природной логики и так часто с недостатком природной диалектики. Диалектика — дар природы, распределенной неравномерно, и потому она похожа на способность судить о вещах, способность, распределенную весьма неровно, между тем как здравый разум, собственно говоря, распределяется довольно равномерно. Очень часто бывает, что кажущаяся аргументация сбивает и опровергает то, что по существу своему совершенно справедливо и резонно, и, наоборот, вышедший из спора победителем очень часто не столько обязан справедливости суждения при защите своего мнения, сколько искусству и ловкости. Врожденный талант здесь, как и во всем, играет первую роль. Однако упражнение и рассмотрение различных способов, при помощи которых можно опровергнуть противника или которые сам противник употребляет для доказательства своих мыслей, служат хорошим руководством в данном искусстве. Вот почему логика не имеет никакого практического значения, а, наоборот, диалектика обладает им в значительной степени. По моему мнению, Аристотель построил свою логику, то есть аналитику, исключительно таким образом, чтобы она служила основой и вступлением к диалектике. Логика занимается только формой утверждений, диалектика же исследует их суть и материю; поэтому исследование формы как общей вещи должно предшествовать исследованию сути или подробностей. Аристотель не оттеняет так сильно, как я, цели диалектики: правда, он указывает на диспут как на главную цель, но в то же время как на стремление к отысканию правды. Далее он говорит: «Надо рассматривать утверждения с философской точки зрения, согласно с их правдой, и с точки зрения диалектической, согласно с их

очевидностию и мышлением других людей». Правда, Аристотель признает независимость и разницу между объективной правдой тезиса и чьим-либо подтверждением этого тезиса, но делает это признание только вскользь, дабы приписать это значение исключительно диалектике. Вот почему его правила, касающиеся диалектики, часто смешиваются с такими правилами, цель которых — отыскивание правды. Поэтому мне кажется, что Аристотель не вполне выполнил свою задачу, стараясь в своей книжке «*De elenchis sophisticis*» («О софистических опровержениях») выделить диалектику от софистики и эристики, причем разница должна была состоять в том, что диалектические выводы истинны по отношению к форме и сути, а эристические или софистические нет (последние разнятся между собою только целью: в эристических выводах эта цель определяется желанием быть правым, в софистических же — стремлением добиться таким путем почета или денег). Истинны ли суждения, что касается сути — вещь весьма сомнительная, потому что всегда отсюда же можно вывести основания, при помощи которых можно сделать их различными; менее всего могут быть уверены в этом сами спорящие, даже результат спора может дать только сомнительное заключение.

По этой-то причине мы должны под диалектикой Аристотеля понимать также софистику и эристику и определять ее как искусство всегда быть правым во всех спорах.

Само собою разумеется, вся помощь заключается в том, чтобы действительно иметь резон. Но это условие, исключая все остальные, конечно, недостаточно для людей; с другой стороны, имея в виду слабость их рассудка, это не необходимая вещь. Следовательно, здесь необходимы другие искусственные приемы, которые, независимо от объективной правды, можно употреблять и при отсутствии объективного резона,

о действительном существовании которого почти никогда нельзя судить с полной уверенностью.

Таким образом, по моему мнению, логика и диалектика должны быть отделены друг от друга с большей отчетливостью и очевидностью, чем это сделал Аристотель; логика должна заняться объективной правдой, насколько эта правда может быть формальной, а диалектика должна ограничиться одержанием побед в спорах. Кроме того, не следует отделять диалектику от софистики и эристики, как это делает Аристотель, ибо это различие основано на объективной, материальной правде, относительно которой мы не можем судить с полной уверенностью прежде времени, но только можем повторить за Пилатом: «Что такое истина?» — ибо: «*Veritas est in puteo*» («Истина спрятана на дне колодца»). Очень часто после оживленного спора в конце концов каждый из спорящих возвращается к мнению своего оппонента. Таким образом, попросту меняются собственными взглядами.

Не шутка доказывать, что в спорах надо иметь в виду только выяснение истины; именно вся суть заключается в том, что неизвестно, где эта правда, когда аргументы противника и наши собственные вводят нас в заблуждение. Наконец: *re intellecta, in verbis simus faciles* — поняв суть, определим термины; раз на диалектику смотрят как на науку, равнозначную логике, то, как было сказано раньше, назовем свою науку «*dialectica eristica*» — «эристической диалектикой». Главное правило в том, что предмет каждой науки надо строго выделить от остальных наук. Применяя это правило к диалектике, следует ее рассматривать исключительно как искусство быть всегда правым, независимо от объективной истины, чего, само собою разумеется, в сто раз легче достигнуть, когда мы действительно бываем правы. Диалектика как таковая наука должна нас учить, как должно защищаться от всякого рода

нападок, а в особенности несправедливых, затем как нужно самому нападать на других, не противореча себе самому и вообще не рискуя быть разбитым другим.

Необходимо совершенно отделить стремление к отысканию объективной правды от искусства устраиваться таким образом, чтобы наши суждения казались всем справедливыми. Первое стремление — совсем другая работа: это дело рассудка, способности рассуждать, опытности, чему неспособно научить никакое искусство: последнее же, наоборот, составляет цель диалектики. Ей дают определение «логики очевидности». Это ошибочно, потому что в таком случае ею можно было бы пользоваться только при защите ложных суждений. Диалектика же необходима тогда, когда мы правы, для того, чтобы мы могли защищать эту правоту; с этою целью необходимо знать все некрасивые, искусственные приемы, чтобы суметь отражать их, и даже очень часто пользоваться ими, чтобы сокрушить противника его же собственным оружием. Вот почему объективная правда совершенно не должна рассматриваться в диалектике, или рассматривается как нечто исключительное; задача этой науки состоит в том, чтобы учить, как следует защищать собственные суждения и как опровергать суждения противника. Часто сам спорящий положительно не знает, прав он или нет; а очень часто вполне убежден, что прав, а на самом деле заблуждается; еще чаще бывает, что оба спорящие думают, что каждый из них прав, а тут именно: *«veritas est in puteo»*.

В начале спора каждый из противников убежден, что правда на его стороне, во время же спора оба начинают колебаться, конец же спора должен выяснить правду и подтвердить ее. Поэтому самой диалектике нечего заботиться об этой правде, подобно тому, как учителю фехтования нечего заботиться, кто был прав в ссоре, которая привела к дуэли. Наносить и отражать удары — вот что больше всего интересует учителя. То

же самое мы замечаем и в диалектике, этом фехтовании умов. Только таким образом понимаемая диалектика может составить одну из ветвей науки. Как скоро мы оставим себе целью единственно объективную правду, сейчас же вернемся к чистой логике, если же, наоборот, докажем эту правду при помощи фальшивых и ложных суждений, вступим в сферу настоящей софистики. И в том и в другом случае обыкновенно допускается, что мы заранее знали, где правда и ложь — что очень редко бывает известно раньше. Поэтому самое настоящее определение диалектики — то, которое я привел раньше; диалектика есть не что иное, как умственное фехтование для доказательства правоты в спорах.

Название «эристика» ближе определяет данное понятие, чем «диалектика», больше же всего, по моему мнению, подходит название «эристическая диалектика».

Так понимаемая диалектика является только систематическим, правильным сочетанием и выяснением различных искусственных приемов, к которым прибегают в спорах большинство людей, когда замечают, что правота не на их стороне, а в то же время желают во что бы то ни стало ее добиться. Поэтому было бы отсутствием всякой последовательности иметь в виду в научной диалектике объективную правду и ее выяснение, между тем как в основной, натуральной диалектике этого нет, вся цель основывается единственно на том, чтобы одержать победу в споре. Научная диалектика, в том смысле, как мы ее понимаем, включает изложение и анализ искусственных приемов, употребляемых в недобросовестном споре для того, чтобы в серьезных спорах можно было сразу их распознать и опровергнуть. Поэтому-то главной и сознательной целью диалектики должно быть желание одержать верх и остаться в глазах противника и посторонних слушателей правым, а не объективная правда.

По моему мнению, сколько я ни наблюдал и ни следил, по этому вопросу почти еще ничего не сделано.

Поэтому поле представляется вполне необработанным. Чтобы достигнуть желанной цели, приходилось пользоваться опытом, наблюдением, как применяется в спорах тот или другой способ, наконец, обобщать повторяющиеся под различными формами приемы и таким образом создать некоторые общие уловки, которые могли бы сослужить службу как для доказательства своих мнений, так и для того, чтобы опровергнуть чужие.

На следующий отдел надо смотреть как на первый опыт в этом отношении.

ОСНОВАНИЕ ВСЯКОЙ ДИАЛЕКТИКИ

Вот на чем основывается сущность диспута публичного, академического, в судах или, наконец, в обыкновенных разговорах.

Ставится тезис, который должен быть опровергнут; для этого существуют два способа и два пути:

1) Способы бывают *ad rem* — к делу и *ad hominem* — к оппоненту. При помощи первого мы опровергаем абсолютную или объективную истину тезиса, доказывая несогласие с настоящими чертами, отличающими предмет, о котором идет речь. При помощи же второго мы опровергаем относительную истину тезиса, доказывая, что эта последняя противоречит другим суждениям или взглядам противника или же доказывает несостоятельность его аргументов, причем объективная истина предмета остается в конце концов невыясненной. Например, если в споре о философских или естественно-научных предметах противник (который в таком случае наверняка англичанин) позволяет себе цитировать библейские аргументы, то мы имеем полное право опровергнуть его при помощи тех же аргументов, хотя такие аргументы — только *ad hominem*, не выясняющие существа дела. Это похоже на то, как если бы кто-либо стал платить долги фальшивыми деньгами, которые были получены им от того же кредитора. Такого рода *modus procedendis* — способ действий можно во многих случаях сравнить с представлением на суд подложного обязательства, на которое ответчик со своей стороны отвечает подложной

квитанцией, хотя заем мог существовать на самом деле. Так же как и в последнем случае, аргументация *ad hominem* имеет преимущество краткости, ибо очень часто правдивое и толковое выяснение правды потребовало бы слишком много труда и времени.

2) Что касается того, как следует поступать, то стремиться к достижению цели можно двояким путем: прямым или косвенным. При помощи первого пути мы нападаем на первооснову тезиса, а посредством второго — на его результаты. Первым путем мы доказываем несправедливость тезиса, а вторым, что такой тезис не может быть правдивым.

Рассмотрим вышесказанное подробнее:

а) Опровергая прямым путем, то есть нападая на основания тезиса, мы или показываем, что сами они неверны, *negō maiorem* — отрицая главную или *negō minorem* — отрицая второстепенную, и в обоих случаях нападая на материю, служащую основанием заключения; или же мы допускаем эти основания, но показываем, что тезис не вытекает из них и говорим *negō consequentiam* — не следует, нападая таким образом на форму заключения.

3) Опровергая косвенным путем, то есть нападая на тезис при помощи его следствий, на основании неточности этих последних, выводим заключение о неточности и неверности самого тезиса по закону *a falsitate rationati ad falsitatem rationis valet consequentia* — ложная причина ведет к ложному следствию, при этом мы можем воспользоваться или прямой инстанцией, или апагогией.

Institutio есть только *exemplum in contrarium* — противоположный пример, она опровергает тезис, показывая предметы или отношения, содержащиеся в положении и вытекающие из него, к которым, однако, не может быть применима, а следовательно, не может быть правдивой.

Апагогией пользуемся в том случае, когда временно признаем правильность тезиса, но потом связываем с ним какое-то другое, признанное истинным или безусловно истинное положение, так чтобы, взятые вместе, они сделались бы посылками того заключения, которое с полною очевидностью для всех было выведено ошибочно; ибо оно или противоречит самому существованию вещей, или свойству предмета, о котором идет речь, признанному достоверно, или же, наконец, другому положению лица, которое выставило тезис. Отсюда апагогия может быть *ad hominem* и *ad rem*. Если вывод противоречит несомненным истинам, достоверность которых очевидна всем, даже *a priori*, то это доказывает, что мы довели противника *ad absurdum* — до абсурда.

В каждом из этих случаев ложность заключения противника должна зависеть от его тезиса; раз достоверность оставшихся посылок не подлежит сомнению, то тезис не может быть верен.

Всякая придирка в споре может быть всегда подведена под один из приведенных выше формальных способов, и потому в диалектике эти способы играют ту же роль, что при фехтовании удары, наносимые противнику по правилам. Приведенные дальше уловки можно сравнить со стратегическими хитростями и увертками, а особенные придирки в спорах — с тем, что учителя фехтования называют «свинскими ударами».

УЛОВКИ

Уловка 1. Распространение. Необходимо вывести положение противника из естественных, натуральных предпологов, обсуждать его в самом общем и обширном смысле и расширить его как можно больше. Чем более общим является утверждение, тем больше открывается поле действия и тем более открыто для нападения и придирок. Вспомогательным средством служит точная и подробная постанoвка *puncti* — предмета или *status controversiae* — обстоятельств спора.

Пример 1. Я доказывал, что «лучшей считается английская драма». Противник хотел воспользоваться инстанцией и заметил, что, «насколько всем известно, англичане не создали ничего выдающегося ни в музыке, ни в опере». Я возражаю, что музыка не входит в состав понятий о драме; последняя обозначает только трагедию и комедию, о чем противник отлично знал, только хотел обобщить мое положение, распространив его на театральные представления, а следовательно, на оперу и музыку, с тою целью, чтобы наверняка разбить меня впоследствии. Наоборот, спасти свое положение можем, если станем как можно больше сужать высказывание и, конечно, если сумеем соответственным образом выразить свои мысли.

Пример 2. Ламарк («Philosophie zoologique», vol. I, p. 206) утверждает, что полипы лишены всякого ощущения на том основании, что у них совершенно нет нервов. Между тем не подлежит ни малейшему сомнению, что полипы ощущают, так как идут на свет,

осторожно перемещаются с веточки на ветку, чтобы схватить добычу. Отсюда следует предположение, что нервная система полипов равномерно распределена в общей массе всего организма, как будто слилась с ним в одно целое, ибо совершенно очевидно, что эти животные получают отдельные впечатления, не обладая отдельными органами чувств.

Так как только что сказанное достаточно ясно опровергает гипотезу Ламарка, то этот ученый прибегает к следующего рода диалектической уловке: в таком случае все составные части организма полипа должны быть приспособлены ко всяким ощущениям, а также к движению, к воле и мышлению; тогда полип имел бы в каждом пункте своего тела все органы наиболее совершенных животных, а следовательно, каждый пункт мог бы видеть, обонять, слышать и т. д., даже думать, соображать и делать заключения; каждая часть его тела была бы совершенным животным, и сам полип стал бы существом даже более высшим, чем человек, ибо каждая частичка его тела обладала бы всеми теми качествами, которыми человек обладает только в целом. Затем не было бы никакого препятствия распространить все то, что было сказано о полипах, и на монады, эти самые несовершенные существа, а затем и на растения, которые также живут, и т. д. Употреблением такого рода диалектических уловок автор сам выдает себя и показывает, что он сам признает себя в душе неправым. Из утверждения, что целое тело полипа способно к восприятию светового ощущения, Ламарк делает заключение, что целое тело полипа думает...

Уловка 2. Воспользоваться созвучностью с целью распространения положения на то, что или ничего, или, во всяком случае, очень мало имеет общего с предметом, о котором идет речь, кроме идентичности самого слова, потом искусно отразить это и сделать вид, что опровергнуто само положение.